

Эти женщины с самого детства росли в богатстве и неге, а попав во дворец, извели милости Сына Неба. Стоит им оказаться в Холодном дворце, как они не только погружаются в душевное и телесное одиночество, но и превращаются в подобие служанок. Разве те горести, что выпадают на их долю, не способны довести до безумия нормальную женщину?

Под её окриком все обитательницы Холодного дворца притихли. Видимо, прежде им тоже доставалось от Императрицы Бу, а потому сейчас они сидели ни живы ни мертвы.

Спустя мгновение какая-то женщина робко выступила вперёд и отвесила поклон:

— Ваше Величество, не бойтесь. Они сумасшедшие, но вреда не причинят.

Тут Бу Юньфэй вспомнила: среди общего хаоса только эта девушка всё это время спокойно стояла в стороне и не присоединилась к остальным.

Заметив на ней грубые конопляные одежды, изящную талию, которую можно обхватить руками, и жалостливый вид, она невольно прониклась сочувствием:

— Вы... настрадались.

Та женщина опустила голову и покачала головой, выглядя еще более трогательной и незащищенной.

Сердце Бу Юньфэй смягчилось, и она мягко произнесла:

— Подойди ко мне.

— Слушаюсь, — послушно отозвалась женщина и медленно подошла ближе.

Но стоило ей приблизиться, как она с размаху подпрыгнула и крепко обняла Бу Юньфэй:

— Ха-ха, я поймала тебя, Император! Император, сегодня вечером ты обязательно должен остаться в моих покоях и не обращать внимания на этих дрянных баб! Все они сумасшедшие!

Говоря это, она принялась усердно ощупывать Бу Юньфэй со всех сторон, а мимоходом ещё и помяла обе округлости на груди.

Хотя с виду та казалась хрупкой, в припадке безумия обладала немалой физической силой. Бу Юньфэй никак не удавалось её оттолкнуть.

Видя это, остальные наложницы тоже набросились на неё толпой.

В одно мгновение поднялась суматоха, слышались толчки, пихания и дикие крики.

К счастью, матушка Жун за дверью не растерялась: услышав призывы о помощи от своей госпожи, она бросилась внутрь спасти особу королевской крови.

Снова завязался беспорядочный кувырок.

Наконец матушке Жун удалось вытащить Бу Юньфэй из женской кучи-малы.

— Ах-ах-ах, уведите их! Немедленно уведите! — в панике поправляя сбившуюся причёску, безумно замахала руками Бу Юньфэй.

Черт побери, сумасшедшие, кругом одни сумасшедшие!

Как раз когда она, судорожно прикрывая разорванный ворот, пыталась прогнать остальных, её взгляд случайно упал на холодную, отстранённую фигуру неподалёку. Приглядевшись, она узнала в ней не кого иной, как главную героиню Сяо Лэнью!

Сяо Лэнью смотрела на неё глазами, полными насмешки и презрения.

— Император... — та самая худенькая наложница снова подбежала и вцепилась в рукав Бу Юньфэй.

Бу Юньфэй изо всех сил попыталась выдернуть его.

Раздался звук треска, и рукав — оторвался.

В глазах Сяо Лэнью презрение стало еще сильнее.

Бу Юньфэй окаменела.

Сяо Лэнью совладала с выражением лица, достала из пазухи розовый лист бумаги и почтительно протянула его Бу Юньфэй:

— Ваше Величество, это передала вам Благородная наложница Ли.

Разумеется, почтительным было лишь её движение, но никак не взгляд.

Бу Юньфэй прекрасно читала отвращение в её глазах. И-и-и.

Бу Юньфэй торопливо и куда более почтительно приняла послание двумя руками — причем это почтение шло изнутри, от макушки до пят.

Взяв письмо, она, из уважения к посланнице, тут же льстиво развернула его и прочла: Благородная наложница Ли приглашала её полюбоваться цветением персика.

Этот сюжет Бу Юньфэй отлично помнила. Когда она томила в Холодном дворце, клан Бу развернул бурную деятельность, и Император уже замыслил вернуть её обратно. Дойдя до ушей Благородной наложницы Ли, эти слухи побудили её затеять интригу: она нарочно созвала наложниц полюбоваться цветами, при этом пригласив и опальную императрицу. На пиру она намеренно принялась всю расхваливать красоту главной героини Сяо Лэнью перед самой Императрицей Бу, заявляя, что та прекраснее цветов и превосходит красотой всех прочих. Разумеется, привыкшую к своеволию, заносчивую и мелочную Императрицу Бу тут же сорвало с катушек, и она устроила жестокую расправу над «прекраснее цветов» Сяо Лэнью... А слухи об этом инциденте, естественно, дошли до Императора. Разъярённый владыка заявил, что сгинать ей в Холодном дворце до конца дней и больше он на неё и не взглянет! В итоге лишь спустя целых три месяца, благодаря хлопотам клана Бу, ей удалось выбраться оттуда.

Вот только оригинальная Императрица Бу была полной дурой: после случившегося она не заподозрила Благородную наложницу Ли в кознях, а затаила злобу на главную героиню. Она одновременно завидовала красоте героини и ненавидела её притворную жалостливость, из-за чего впоследствии стала третировать бедняжку еще сильнее.

При одной мысли об этих событиях руки Бу Юньфэй, державшие розовое послание, задрожали.

— Т-такс, у меня завтра дела, так что я не пойду, ха-ха.

Держаться подальше от очага неприятностей, связанных с главной героиней — вот самый безопасный путь.

Однако Сяо Лэнью нахмурилась.

Отправляя её сюда, Благородная наложница Ли строго-настрого приказала: вручить приглашение лично в руки Императрице и заставить её явиться на пир, причем тон был весьма непреклонным. Если Бу Юньфэй не придёт, Благородная наложница Ли вполне может выместить злость на ней...

Пусть Благородная наложница Ли не так ненавистна, как Императрица Бу, но изощрённых способов отравить жизнь у первой найдется куда больше. Сяо Лэнью вовсе не улыбалось становиться жертвой их дворцовых распрей.

Стоило ей нахмуриться, как сердце Бу Юньфэй затрепетало:

— Т-так, ты... хочешь, чтобы я пошла?

Бу Юньфэй не сводила глаз с лица Сяо Лэньюй, одновременно анализируя каждую микроэмоцию и пытаясь прощупать почву.

Главная героиня — это тебе не хухры-мухры, как она скажет, так и будет!

Сяо Лэньюй растерялась. Она никак не ожидала, что та станет интересоваться её мнением. На мгновение остолбенева черты её лица застыли, и она машинально ответила:

— Наложница... Наложница получила повеление от Благородной наложницы Ли пригласить Ваше Величество Императрицу.

— Тогда ладно! Обязательно буду! Непременно, ха-ха.

Кое-кто тут же подбостростно изменил решение.

— ... — Сяо Лэньюй подумала, что стоящая перед ней женщина больна на голову.

Взглянув на заполнивших комнату полуодетых обитательниц гарема, а затем на оторванный рукав собеседницы, она слегка содрогнулась и откланялась.

Бу Юньфэй по-собачьи преданно проводила её до самых дверей, всю дорогу рассыпаясь в любезностях.

У Сяо Лэньюй от этого мурашки побежали по коже. Теперь у неё появились смутные, но тревожные предчувствия.

А на следующий день эти опасения подтвердились сполна.

Наступил следующий день. Благородная наложница Ли действительно созвала всех красавиц гарема испить чаю, отведать сладостей и полюбоваться персиками. Это лицемерное сборище они высокопарно окрестили пиром любования цветами.

Местный начальник ближе далёкого царя. Благородная наложница Ли ныне заправляла всеми делами шести дворцов, её влияние было на пике, а потому никто не осмелился пропустить мероприятие.

Впрочем, то, что явилась даже опальная Императрица Бу, всё же выглядело несколько неожиданно.

Благородная наложница Ли осталась крайне довольна тем, что Императрица Бу проявила уважение к её персоне. От этого её уверенность в собственных силах возросла ещё больше, а капканы она расставляла с абсолютно невозмутимым лицом.

Окинув взглядом окружающих, она увидела на лицах наложниц покорность: да уж, раз даже Императрица Бу уважила Благородную наложницу Ли — не только приняла приглашение, но и смирила гордыню, явившись в самых скромных нарядах, совершенно непохожих на её обычные кричащие ярко-красные одеяния!

Разумеется, Бу Юньфэй пришла сегодня вовсе не ради Благородной наложницы Ли; и оделась скромно и непритязательно тоже не для неё. Откровенно говоря, в её глазах Благородная наложница Ли была полным нулем==

Она явилась сюда исключительно ради того, чтобы исполнить желание главной героини. А утренний отказ надеть ярко-красное платье, предложенное матушкой Жун, объяснялся лишь тем, чтобы не превратиться в ходячую мишень для раздражения главной героини==

Впрочем, она прекрасно понимала: даже если она не станет бесить главную героиню, Благородная наложница Ли всё равно её не оставит в покое.

И действительно, едва начался пир, Благородная наложница Ли взяла инициативу в свои руки и предложила каждому сочинить по стихотворению о цветах персика.

Все эти наложницы происходили из знатных семей и изначально воспитывались как жёны для ваннов и хоу, так что с детства вдоволь изучали поэзию и классические тексты. Немного покрутив кистями, они и впрямь выдали пару вполне сносных стихов.

Благородная наложница Ли не скупилась на похвалы, особо выделив и расхвалив творение Сяо Лэнюй со словами: «Изящный слог и чистое сердце, талантом превосходящая всех красавиц». После чего подзадорила Бу Юньфэй:

— Может, сестрица Императрица тоже сложит стих? Пусть младшие сёстры поучатся.

7. Стоять, она сама!

Стоило ей это произнести, как несколько недалёких наложниц украдкой усмехнулись.

Всем было прекрасно известно, что Императрица Бу — полная невеглазка и бездарность. Кроме как лупить людей, она не умела ровным счетом ничего.

В оригинале Императрица Бу не смогла выдать из себя ни строчки, после чего в ярости швырнула кисть и перевернула тушницу.

Но Благородная наложница Ли, притворяясь, будто хочет сгладить неловкость, принялась вновь нахваливать неземную красоту и нрав Сяо Лэнью, «превосходящие любые цветы»... В результате Императрица Бу, которую то «превозносили», то «затмевали», окончательно взбесилась, влепила Сяо Лэнью пощёчину, а затем устроила ей жестокую трёпку==!

И именно эта жестокая распутица стала источником всей последующей вражды между Императрицей Бу и Сяо Лэнью.

Такая Бу Юньфэй, разумеется, не собиралась позволять истории повторяться.

Вернее, смертельно боялась==

Поэтому Бу Юньфэй лишь легко улыбнулась и выступила вперёд:

— В Холодном дворце чертовски холодно, я пробыла там какое-то время, и у меня разболелись суставы. Хотя на дворе и ранняя весна, запястье всё ещё не держит кисть...

Окружающие при этих словах скривились в сдержанной насмешке.

Кто же не знал, что она тупая баба. Говорит красиво, а на деле просто ищет повод ничего не писать.

Однако Бу Юньфэй ещё не закончила:

— Поэтому я попрошу сестрицу Лэнью взять кисть за меня, а сама продиктую.

Произнося это, она, конечно же, не забыла одарить Сяо Лэнью льстивой улыбкой.

Все присутствующие остолбенели.

Во-первых, оттого, что Императрица Бу и впрямь решила сочинять стихи.

Во-вторых, оттого, насколько ласково Императрица Бу обращалась к Сяо Лэнью — настолько ласково, что... почти подобоострастно. Ох, наверно, им всем показалось.

— Сестрица Лэнью, не согласитесь ли вы? Э-э, если не хотите, я могу попросить кого-нибудь другого. Просто почерк сестрицы мне кажется самым лучшим.

Кое-кто, тщательно наблюдая за выражением лица Сяо Лэнью, расплылся в улыбке подсолнуха, обращенной прямо к девушке.

Э-э, судя по всему, им не показалось...

Все присутствующие наложницы принялись протирать глаза.

Уголки губ Сяо Лэнью невольно дернулись.

Она вовсе не горела желанием становиться мишенью для всеобщей зависти. И уж тем более не смела оскорблять императрицу — пусть даже та была императрицей Холодного дворца.

— Для меня честь послужить Вашему Величеству.

— Тогда утруди сестрицу.

Бу Юньфэй заулыбалась и, словно собачонка, несущая хозяину тапочки в зубах, бережно поднесла кисть и протянула её Сяо Лэнью.

Уголки губ Сяо Лэнью дернулись снова.

Ей показалось, что её дурные предчувствия начинают сбываться.

— Ваше Величество, прошу, — Сяо Лэнью сложила пальцы щепотью, почтительно растирая тушь и ожидая «поэтического вдохновения» от Императрицы.

— Нет-нет-нет!

Бу Юньфэй перепугалась до смерти и поспешно перехватила руку Сяо Лэнью:

— Как можно заставлять девушку... то есть представительницу прекрасного пола заниматься такой грязной работой, как растирание туши? Я сама, я сама!

Шутки в сторону, главная героиня превыше всего. Хватило бы ей храбрости заставить главную героиню прислуживать ей с тушью!

Изначально она просила Сяо Лэнью записывать под диктовку во-первых, чтобы не спалиться перед всеми неумением обращаться с традиционной кистью; а во-вторых, чтобы расхвалить почерк героини и задобрить её. Да как она смела бы утруждать великую госпожу героиню растиранием туши?!

Такая бурная реакция вызвала у всех присутствующих новый приступ ошеломления.

Сяо Лэнью, хоть и застала в тот день Бу Юньфэй за утехами с женщинами гарема и уже смутно догадывалась об отклонениях в её ориентации, всё равно испугалась, когда та внезапно проявила к ней столь живой интерес. На неё устремились взгляды всех окружающих, отчего девушка почувствовала себя не в своей тарелке. Опасаясь кривотолков, она поспешно вырвала руку, перехватила тушницу с другой стороны и с суровым видом произнесла:

— Ваше Величество изволит шутить, вы — воплощение высшего достоинства императрицы, мать Поднебесной. Для нас... для меня огромная честь прислуживать вам.

— Нет-нет-нет, лучше я...

— Ваше Величество слишком любезны, позвольте мне...

Они продолжали тянуть друг друга за руки, Бу Юньфэй покраснела от усердия, а Сяо Лэнью густо покраснела от смущения.

В конце концов обе сошлись на том, что так продолжаться не может.

Тогда Бу Юньфэй, тяжело дыша, ткнула пальцем в Благородную наложницу Ли:

— Ладно, тогда ты, Благородная наложница Ли, растирай тушь.

Черт побери, да эта Сяо Лэнью с виду такая хрупкая и тощая, откуда в ней столько сил? Она битый час пыталась перетянуть предмет себе и в итоге лишь запыхалась. Тело прежней Бу Юньфэй и впрямь невероятно слабое, видимо, пора срочно вносить в расписание спортивные тренировки, не то в будущем, если вдруг удастся замутить с юри-парой «героиня и злодейка», в постели придётся туго (она явно забегала вперед)!

Пока она отдыхалась, Благородная наложница Ли едва не задохнулась от возмущения:

— Я?!

— Базара ноль, не ты же заставляешь девушку... то есть представительницу прекрасного пола этим заниматься?

Уставшая и запыхавшаяся дама не жаловала церемонии.

Разве она сама не «девушка», а «парнишка» что ли?!

Нос Благородной наложницы Ли чуть не скривился от гнева.

Что это за слова такие? Мало того, что её заставили прислуживать с тушью, так ещё и насильно записали в парни! Теперь ей самой захотелось позавидовать Сяо Лэнью==

Тут она наконец вспомнила, зачем вообще затеяла этот пир. Подавив внутреннее недовольство, она шагнула вперёд, перехватила тушницу и принялась растирать тушь.

Только тогда Бу Юньфэй успокоилась.

Она отпила глоток воды, чтобы смочить горло.

Глубоко вздохнула, унимая недавнее сбившееся дыхание.

Затем закрыла глаза и приняла мечтательный вид.

Благородная наложница Ли так и норовила схватить её за плечи и яростно потрясти: хорош ломать комедию, давай пиши уже□□□□

Когда Благородная наложница Ли уже дошла до ручки, растирая эту чёртову тушь, Её Величество Императрица наконец снова глубоко вздохнула и разверзла уста:

Среди персиковых рощ приютился персиковый скит,

В персиковом скиту живёт небожитель персиковых аллей.

Небожитель персиковых аллей сажает персиковые деревья,

А сорвав персики, меняет их на вино и деньги.

Отрезвившись от хмеля, он сидит под цветами,

А захмелев, возвращается спать под их сенью.

Полупьяный, полусонный день за днем летит,

Цветы опадают, цветы распускаются год за годом.

Хотел бы я умереть в старости меж цветов и вина,

И не желаю кланяться перед колесницами и конскими копытами.

Пыль колес и копыт — удел людей влиятельных,

А кубок с вином и ветка цветов — судьба отшельника.

Если сравнить влиятельных людей с отшельниками,

То первые — на земле, а вторые — на небе.

Если сравнить цветы и вино с колесницами и конями,

То почему те вечно суетятся, а я столь беззаботен?

Другие смеются надо мной, считая безумцем,

А я смеюсь над ними — им не разглядеть сути.

Не видать вам могил героев пяти уделов,

Ли мотыгой пахать превращенные в пашню места, где цвели сады и лилось вино[1].

Она декламировала ни что иное, как шедевр Тан Боху: Стихи о Персиковом ските.

Она уже подметила, что эта вселенная вымышлена, а значит, её хронология не совпадает с реальной историей. Следовательно, стихи Тан Боху вполне можно было присвоить.

В определенный период времени в сети пользовались дикой популярностью те романы про попаданцев в древность или иные миры, где главные герои становились литературными гениями. Они таскали с собой систему ТХТ или флешку, заявлялись в другой мир и выдавали шедевры всех времен и народов за свои собственные, публикуя их с поразительной скоростью... Только представьте: от Сна в красном тереме до Троецарствия, а следом полное собрание сочинений Цзинь Юна и всевозможные сетевые сянься-романы. В них было всё — и литературный слог, и захватывающий сюжет, да ещё и с бешеной скоростью обновления... Разве можно было не взлететь на вершину популярности в мгновение ока?!

Подобные романы особенно любили авторы-неудачники из интернета: они зачитывались ими до безумия, лелея те же мечты о мгновенном божественном признании, что и у главных героев.

Бу Юньфэй, будучи топ-автором женской прозы на Цзиньцзян, разумеется, не жаловала те произведения ради самоутверждения, поскольку лучше кого-либо понимала, как на самом деле выглядит путь к успеху. Тем не менее, раз читателям нравилось, она исправно писала

подобное.

Будучи добросовестным профи высшей лиги, она перелопатила немало литературы при подготовке. И хотя выучить наизусть абсолютно все литературные шедевры древности и современности она не смогла, кое-что прочно заселило её память. Для того чтобы утереть нос обитательницам гарема этого мира, этого хватало с избытком.

Стихи Тан Иня О Персиковом ските были её горячо любимым произведением, а кроме того, отличались невероятным уровнем пафоса.

И действительно, стоило ей закончить чтение, как все присутствующие остолбенели.

Даже Сяо Лэнью смотрела на неё совершенно другими глазами.

Все сидящие здесь с детства обучались цитре, шахматам, каллиграфии и живописи, и уж дурновкусием не страдали. Глубину и эстетику этого стихотворения оценили по достоинству абсолютно все.

Вмиг души собравшихся преисполнились сложными чувствами.

И впрямь.

Хотел бы я умереть в старости меж цветов и вина, и не желаю кланяться перед колесницами и конскими копытами. Если бы был выбор, кто добровольно пошел бы в эту глубокую дворцовую обитель, чтобы ради милостей какого-то незнакомого мужчины — будь он стар или млад, красив или уродлив — грызться с толпой баб лишь за капли монаршей благосклонности?

Не видать могил героев пяти уделов, ли мотыгой пахать превращенные в пашню места, где цвели сады и лилось вино...

На какое-то время все погрузились в глубокую меланхолию.

Главная героиня Сяо Лэнью размышляла обо всем этом куда глубже остальных.

Прежнюю Императрицу Бу она видела собственными глазами. Она была уверена в своем умении разбираться в людях: та Императрица являлась заносчивой, вздорной пустышкой, обладающей лишь несравненной красотой при абсолютном отсутствии внутреннего содержания. Но нынешняя Бу Юньфэй явно переродилась — казалось, весь её бурный нрав улегся, уступив место внутренней зрелости.

Неужели она действительно всё переосмыслила, находясь в Холодном дворце?

Неужели она вправду поняла, что всё земное величие и власть — лишь пустой прах, и желает лишь пьяной засыпать среди персиковых цветов?

Связывая это с недавними «безумными» выходками Бу Юньфэй, Сяо Лэньюй ощущала нечто странное — эта женщина была далеко не так проста.

Точно так же незаурядность Бу Юньфэй отметил еще один зритель.

— Хлоп, хлоп, хлоп.

Под редкие звуки аплодисментов из-за деревьев медленно вышел мужчина.

— Император!

— Приветствуем Императора!

Снова послышался шелест падающих на колени тел.

Твою ж мать, этот император — заправский любитель подслушивать!

Мысленно выругавшись, Бу Юньфэй тоже поплелась опускаться на колени. Будучи современным человеком, она неизменно отставала на полшага.

И как раз в этот момент её замедленной реакции Император уже протянул руку, поднимая её и прерывая поклон. На его губах играла та самая лукавая улыбка истинного монарха:

— Какое великолепное изречение: Отрезвившись от хмеля, он сидит под цветами, а захмелев, возвращается спать под их сенью. Не видать могил героев пяти уделов, ли мотыгой пахать превращенные в пашню места, где цвели сады и лилось вино. Не ожидал, что у моей императрицы столь изысканный талант и утончённая лёгкость.

Если в прошлый раз его восхищение было не столь явным, то теперь это звучало как самая настоящая похвала.

Сам Император редко кого удостаивал похвал. К тому же слова «талант» и «лёгкость», с какой стороны ни посмотри, для обитательниц гарема были высочайшей наградой.

Судя по всему, императорская милость к этой царице скоро вернется сполна.

— Императрица, сопроводи Меня обратно во Дворец Куньнин.

Раз её императрица прозрела суетность мирской славы, она, конечно же, не станет добровольно возвращаться в гарем ради борьбы за его внимание. Однако чем сильнее она отстранялась, тем ценнее казалась. Обладая целой Поднебесной, он еще ни разу не встречал человека, который искренне ставил бы славу и богатство ни во что. Эта женщина поистине уникальна и вполне достойна разделять с ним власть над миром! Поэтому он должен крепко удержать её и больше не выпускать.

На сей раз он отдал прямой приказ, не оставив ей пространства для отказа.

Слова Сына Неба — это закон.

Бу Юньфэй посмотрела на Императора, потом на Сяо Лэнъюй, снова на Императора и снова на Сяо Лэнъюй... Подняла руку, согнула пальцы и — оцарапала лицо державного мужа, оставив на нём пять кровавых полос.

8. Главная героиня, не бойся, я иду на защиту!

Разумеется, без сюрпризов не обошлось — Бу Юньфэй снова упрятали в Холодный дворец.

Конечно, Император и не против был повосхищаться Бу Юньфэй, но не мог же он стерпеть её выходки, повторяющиеся раз за разом, а в этот раз она еще и посмела расцарапать ему лицо.

— Безумная, да ты просто сумасшедшая! — Император оттолкнул Бу Юньфэй и взревел: — Вон! Вон! Катись к чертям в свой Холодный дворец!

После чего, зажав лицо руками, удалился.

Все присутствующие остолбенели.

Эта императрица... на сей раз она зашла явно слишком далеко!

Даже если это игра в кошки-мышки, не слишком ли безумно она «играет»?

Даже Сяо Лэнъюй нахмурилась.

А вот самой Бу Юньфэй было всё нипочём: она одарила Сяо Лэнъюй подобострастной улыбкой, пожала плечами и преспокойно вернулась в Холодный дворец.

После такого связываться с ней точно больше никто не посмел бы.

Черт побери, да это же особа, которая осмелилась исцарапать лицо самому Императору!

И что еще удивительнее: даже получив кровоточащие царапины, Император снова сослал её лишь в Холодный дворец — не казнил, не велел высечь и даже титула «Императрицы» её не лишил.

Конечно, позже Вдовствующая императрица лично допросила Бу Юньфэй, желая узнать, с какой стати та изувечила Императора.

В тот момент у Бу Юньфэй уже был готов ответ:

— Матушка, вы тоже женщина и должны понимать всю горечь нашей доли в гареме.

<http://bllate.org/book/19859/1955097>